

УДК 930.24.000.32(47)

КИЕВОРУССКИЕ ЛЕТОПИСИ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

канд. филос. наук, доц. А.Б. КИРИЧОК

(Украинская медицинская стоматологическая академия, Полтава, Украина)

Демонстрируется историко-философское исследование киеворусских летописей как политического феномена. Показано, что политика и историческое письмо (летописи) имели как минимум три общие исходные точки; во-первых, политика и историческое письмо адресовали свои инвективы широкому кругу людей; во-вторых, они вместе использовали то, что современный нидерландский философ Ф. Анкерсмит называл «репрезентацией» действительности; в-третьих, летописи и практическая политика часто выражали определенные политические идеи.

В сохранившихся летописных памятниках Киевской Руси мы можем отыскать ряд политических терминов, идей и даже фрагментов некоторых политических теорий Средневековья, таких как, например, теократическая теория образа идеального князя, идеи единства Русской земли и т.п. Они в некоторой степени уже изучены в пределах истории философии, однако наша цель – положить начало несколько иному подходу к изучению этих памятников, а именно исследованию их как отдельного политического явления, которое имело целый ряд собственных политических атрибутов и функций, а также играло важную роль в политической жизни Руси. Основы такого подхода предусматривают выяснение определенных основополагающих установок, на которых базировались как политические *действия* киеворусских князей или других субъектов тогдашней политической жизни, так и изображение *событий* в нарративных сказаниях киеворусских летописей.

Основная часть. Не претендуя на полное раскрытие указанной сложной темы, а также на полноту проведенного нами исследования, остановимся на *трех главных началах*, которые, на наш взгляд, превращали киеворусское летописание в весомое политическое явление.

1. Первой точкой соприкосновения ремесла политики и искусства летописания является присущая обоим этим видам деятельности *«всеобщность» в выборе адресата*. Политическое действие, в какой бы исторический период оно не осуществлялось, предполагает определенную «унификацию», то есть отбор с помощью своеобразной редукции не только наиболее целесообразного и осмысленного в данной политической ситуации поступка, но и такого поступка, который бы имел всеобщий смысл, прямо или косвенно касался всех членов политического сообщества. Даже в том случае, когда политическое действие является партикулярным, единичным или частичным, направленным на отдельную персону и демонстрирует максимально узкое назначение, предполагается, что оно будет иметь косвенные последствия для всеобщего (государственного) блага или для поддержания определенного политического строя. Только тогда, когда действие преодолевает локальное пространство межличностных или родовых отношений, оно становится по-настоящему политическим. Может ли, например, захват Полоцка Владимиром Святославичем, который отразился в летописи под 980 годом, считаться «политическим событием»? На первый взгляд он представлял собой свод личных счетов с Рогволодом Полоцким, дочь которого, Рогнеда, обидела Владимира, отказавшись стать его женой («не хочу розути робичича» [7, с. 76]). Однако этот факт может быть истолкован как политический в том случае, если появится возможность отыскать его «общегосударственные» последствия, например, вписать его в контекст установления единовластия на Руси и централизации киеворусского государства (после этого события состоялся поход на Киев, убийство Ярополка, за которого Рогнеда как раз и собиралась выйти замуж, и утверждение Владимира как единого правителя Руси). Эту же унификацию осуществляет и автор летописного текста, если он осмысливает свой труд как всеобщее послание, адресованное широкому кругу читателей. Формируя летописную статью или создавая летописный свод, он тоже проводит отбор событийного материала, оставляя и записывая не только то, что представляется важным с каких-то, в том числе и политических, позиций, но и то, что имеет всеобщее значение. Возможно, именно благодаря этому вышеупомянутый рассказ о захвате Полоцка попал на страницы летописей. В отличие от устной речи, которая всегда направлена на отдельного собеседника или относительно небольшую группу лиц, летописная письменность, которая изначально обладает способностью «терять» реципиента, провоцирует соответствующие изменения в стиле и форме письменного высказывания, а ориентация на неизвестного и абстрактного читателя дает возможность преодолеть границы узкой устной коммуникации и придать собственным инвективам универсальность.

Однако мы очень мало знаем о том, каким был круг читателей киеворусских летописей и кто к ним имел доступ, но можно с большой вероятностью утверждать, что летописи не были предназначены для узкого частного чтения княжеской или церковной верхушкой. Конечно, сама процедура ведения летописи осмысливалась как своеобразное сакральное ремесло, которое позволяло локальной истории найти свое место в мировой драме, разворачивающейся от начала мира до второго пришествия (в киеворусских летописях использовалась византийская система летоисчисления «от сотворения мира», а не «от Рождества Христова»), и как каждая сакральная практика могла в определенной степени утаиваться. Однако летопись, очевидно, не была чем-то скрытым от общественности, ведь еще римские анналы, предшественники средневековых хроник, если верить Цицерону, обязательно выставлялись на публичное обозрение в открытом месте (*Cicero. De Oratore*, II. 12. 52). Публицистический стиль киеворусских летописей, а также вероятное привлечение к этой работе большой группы интеллектуалов¹ указывает на то, что эти тексты вряд ли были предназначены для личного чтения киеворусских князей или для узкого церковного применения. Правда, создание летописей иногда заказывалось политической элитой. Вполне вероятно также наличие в Киевской Руси особого вида частных семейных преданий, как, например, рассказов воеводы Вышаты или его сына Яна Вышатича, которые могли быть предназначенными для узкого обихода. Однако на обратное указывает тот факт, что летописная работа долгое время проводилась в Киево-Печерском монастыре, который, очевидно, был самостоятельным в своих политических позициях и достаточно независимым от княжеской власти. В отличие от других монастырей, Печерская обитель возникла сама по себе (монастырь не был ни княжеским, как, например, Выдубицкий, ни митрополичьим) и выбрала собственный путь в церковной и политической жизни Руси, постоянно проявляя свою четкую позицию по политическим вопросам и часто произнося свое веское слово в политических конфликтах. Так, в 1068 году монастырь поддерживает восстание киевлян, которое привело к изгнанию из Киева князя Изяслава Ярославича, отказавшегося воевать с половцами, а в 1072 году, наоборот, осуждает повторное его свержение с престола младшими братьями как нарушение принципа старейшинства в передаче власти. Во второй половине XI века монастырь становится настолько авторитетным, что князья вынуждены улаживать политические конфликты с ним щедрыми подарками, например, выделением земли [4, с. 69]. Летописание, которое велось здесь, не могло быть предназначенным для частного чтения правителями, судя по всему содержание летописей было известно более широкой общественности. Наверное, поэтому Владимир Мономах, как только у него появилась такая возможность, отобрал материалы летописи у Печерского монастыря и перенес работу в патронируемый княжеским двором Выдубицкий монастырь, поручив ее Сильвестру. Тот в свою очередь отредактировал заключительные главы «Повести временных лет» в угоду политической деятельности Владимира Мономаха. По утверждению М.Д. Приселкова, Сильвестр из политических соображений просто опускал рассказы Нестора о сложных отношениях между светской и церковной властью [9, с. 42].

2. Еще одной общей исходной точкой для киеворусской политики и летописной письменности, является то, что Ф. Анкерсмит называет *репрезентацией действительности* [12]. И политика, и письмо вынуждены представлять определенную политическую реальность, создавать то ли образ прошлых событий, как это делал киеворусский летописец, то ли представлять и разъяснять политические поступки, как это делает практическая политика, поступки, которые либо уже совершены, либо совершаются, либо будут совершены в будущем. Политическое действие не просто избирается из множества возможных действий, но обычно должно быть представленным и превращенным в историческое событие, то есть растолкованным в некоторых случаях достаточно удаленно от настоящего замысла и результата действия политика (поражение политиков часто представляется как их победа, а потери как достижения). Именно от репрезентации поступков, а не от их самих, зависит нередко успешность политика или политического проекта. Так, Владимир Мономах, описывая свои военные экспедиции на половцев и чувствуя, что поход на князя Ярополка несколько не вписывается ни в общую композицию повествования, ни в провозглашаемую им идею княжеского единства и братолюбия, вынужден объяснить, что этот поход был вызван невозможностью больше терпеть Ярополкову «злобу» («не терпече злобь его» [7, с. 250]). Именно в репрезентации, в попытке каким-то особым образом представить реальную действительность политика и история, по мнению Ф. Анкерсмита, встречаются и объединяются [13, р. 2], и как раз благодаря этой встрече

¹ Уже во времена Нестора «оперировать даже таким объемом информации: устными воспоминаниями, писанием, новгородской летописью – было работой чрезвычайной», – считает И.В. Жиленко [3, с. 80]. В отличие от местных летописей (на подобие Галицко-Волынской), которые создавались достаточно просто с помощью сокращения материала и небольших вставок «от себя», большие летописные своды были, на ее взгляд, «делом не утилитарным», делаемым специалистами со вкусом», предусматривало наличие нескольких хорошо образованных людей: «Что касается свода, считывания или какого-либо сравнения нескольких сводов, то для такой работы на конец XII века уже нужны были мощные силы немалой группы писарей» [3, с. 82].

политика для собственных репрезентаций часто использует летописное письмо². «Именно на основании летописей русское правительство без всяких колебаний заявляет свое право на господство над старыми “отчинами” московских князей – Киевом, Смоленском, Полоцком, Черниговом, – писал Д.С. Лихачев. – Опираясь на летописи, Москва ведет свою объединительную политику. Летописи служат историческими доказательствами при спорах русских князей перед ханом о великом княжении. Князь Юрий Дмитриевич обосновывал свои права на московское княжение “летописцами и старым спискам и духовной отца своего великого князя Дмитрия”. Летописи и людей, умевших “говорить” по русским летописям, то есть отлично знающих их содержание, вез Иван III в обозе своих войск, наступая на Новгород в 1471 г.» [6, с. 9]. Но, как видно из всех этих примеров, историческое письмо (летопись) на самом деле не было зеркальным отражением прошлого, а лишь его репрезентацией, невозможной без определенных интеллектуальных процедур или предубеждений автора, а исторический или политический факт становился полноценным фактом только тогда, когда он каким-то образом был репрезентирован. Можно даже сказать, что событие прошлого постепенно «наращивает» свое историческое значение с того момента, когда оно происходит, до того момента, когда его открывают, артикулируют в каком-либо из дискурсов, а затем интерпретируют из разных, в том числе и политических, позиций. Точно так же политическое действие наращивает собственную «политичность» в процессе ее репрезентации, истолкования, обсуждения и дискуссии. Репрезентация выступает своеобразным мостом между словами и действительностью, и именно благодаря этой исходной установке история всегда тяготеет к превращению в «политическую историю», а политика активно вовлекает историю в свою орбиту.

3. Наконец, политическое действие, равно как и историческое (летописное) письмо, часто опирается на какую-то политическую идею и имеет дело с проблемой применения политического идеала к ситуации, в которой действует политик, идеала, обычно удаленного от самой ситуации. В этом пункте политическое действие, опять же, встречается с письмом, ведь они оба с позиций идеи, которую пытаются выразить, вынуждены соответствующим образом подбирать лексику и риторические формы, фактуальный, а иногда и фиктивный материал, явно или косвенно представляя в политических действиях или изображаемых событиях общую идею. За всем этим, как считает Ф. Анкерсмит, скрыта метафора, если ее, конечно, понимать не как простой литературный троп, а как общий перенос одной реальности на другую. Учитывая это, между средневековыми хрониками и современным историческим или политическим письмом, где «рассказывание повествования (или написание) истории является конструкцией, которую мы навязываем (impose) фактам» [11, с. 6], как будто бы существуют различия, проявляющиеся в степени насыщенности текста политическими идеями, и способе вынесения их в композиционную основу произведения. Средневековый хронист, который по большей части выступает простым регистратором событий в их строгом хронологическом порядке, якобы не создает политическое письмо или, по крайней мере, не ставит своей целью его создать, так как в этих ежегодных хронологических отчетах трудно отыскать некую единую политическую идею. Действительно, автор летописи иногда ограничивается простой констатацией факта, не прилагая к нему никаких политических комментариев и не пытаясь подвести нарративный рассказ под некую универсальную политическую идею. Например, под 1040 год киеворусский летописец сводит всю статью к единому свидетельству: «Ярославъ иде на Литву» [7, с. 153]. Автор летописи может констатировать факт, что в какой-то год ничего особенного не произошло («В лѣ. ѿ. ѿ. лѣ. (1029) Мирно бысѣ»), или ограничиться подобным к пасхальным таблицам простым перечислением «пустых» на события лет («В лѣ. ѿ. т. ѿ. а. (853). «В лѣ. ѿ. т. ѿ. в. (854). В лѣ. ѿ. т. ѿ. г. (855). В лѣ. ѿ. т. ѿ. д. (856). В лѣ. ѿ. т. ѿ. е.» и т. п. [7, с. 18; см. об этом также: 10, с. 32–45]. В других статьях мы, наоборот, находим чрезмерную детализацию, вплоть до точной даты и времени события: «В лето 6553. «Съгорѣ святая София въ субботу по заутрѣни въ час 2 месяца марта въ 15» [8, с. 90].

Все это действительно создает впечатление о работе летописца как простой регистрации событий без каких-либо общих замыслов или идей. В летописи, которая чаще всего пишется или редактируется целой группой лиц, бывает трудно найти общую цель, однако это отнюдь не означает, что политическое идейное содержание не может быть закодированным в средневековой хронике на уровне отдельных статей или эпизодов.

² Богатая семантика английского «representation», которую использует Ф. Анкерсмит, а также этимология этого слова (от англ. «presentation», «present») очень удачны в качестве концептов для разработки теоретического понятия, которое обозначает общее глубинное основание для политики и письма. «Representation» в историческом употреблении означает «изображение», «образ», «философское понятие», «представление», а в политическом – «утверждение», «заявление», «представительство», соответственно «present» означает «лист», «документ», «присутствующий», «наличный», «настоящий», «тот, который готов прийти на помощь», а также «предъявлять», «представлять», «показывать», «направлять» «presentation» – «изложение», «подачу», «описание», «представление», «идею».

В свое время Р. Барт утверждал, что политическое письмо можно распознать по его «аксиологичности», по уничтожению дистанции между фактом и его оценкой, ведь политическое письмо всегда является ценностным [1, с. 58]. Повествовательные персонажи, то есть политические деятели, выступают здесь как «герои» или «антигерои», активно вплетаясь в сети криптомифических и квазимифических структур, факты оцениваются как целесообразные или не целесообразные с заданных политических позиций, а история с простого средства «тренировки памяти» действительно превращается в «*magistra vitae*»³. В историческом письме, которое благодаря этому превращается в политическое письмо, происходит оценка исторических фактов либо с позиций «*исторической перспективы*», либо с позиций некой «*политической идеи*».

Первый тип оценки чаще всего осуществляется путем наложения более поздних исторических состояний, которые считаются «лучшими», на те, что имели место в прошлом. Он представляет собой несколько бессмысленное историческое вопрошание на тему, что сделал политический деятель прошлого для того, чтобы наступила современность, оценку политических действий предшественников с точки зрения того, что происходит сейчас. Историческая оценка в политической письме может выступать в виде своеобразного «оправдания судом истории» для политического деятеля. Именно такой тип исторического оценивания применяет киеворусский митрополит Илларион к деятельности крестителя Руси князя Владимира: «виждь же и градъ, величѣствомъ сияющъ, виждь църкви цвѣтѣщи, виждь крѣстьянство растѣще. Виждь градъ, иконами сватыхъ освѣщаемъ и блистающъса, и тѣманомъ обухаемъ, и хвалами, и божествнами, и пѣнни сватыми оглашаемъ» [5, с. 96]. Все это, по мнению Иллариона, стало возможным только благодаря деятельности князя Владимира. «Же есть се колико добра створиль», – резюмирует все это другой автор на страницах Лаврентьевской летописи [7, с. 131].

Возможен здесь и обратный путь – ценностное осмысление происходящего сейчас с точки зрения того, что происходило в прошлом. Примером такого способа оценки может быть сопоставление прошлых и нынешних времен на страницах Новгородского свода, где летописец высказывает претензии к современным ему князьям, которые главным источником прибыли выбрали «виры и продажи», то есть грабеж собственных сограждан, и погрязли в роскоши. Этим политическим деятелям летописец противопоставляет «древнїи князи и мужїе ихъ», которые «не збираху многа имѣнїя, ни творимыхъ вирь, ни продаъ въсладаху на люди», добывали себе богатства в дальних военных походах («кормяхуся воююще ны страны») и «не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожяху жены ихъ в сребрянныхъ» [8, с. 2].

Второй тип оценки осуществляется чаще с точки зрения какой-то ранее заданной политической идеи – идеи родового старейшинства, единства Русской земли и т.п. Летописец воспроизводит под 1054 год текст так называемого «завещания Ярослава», где формулирует идею родового старейшинства, и далее анализирует различные политические действия именно с этих позиций («не преступати предѣла братна, ни сгонити», «пробывати в любви» [7, с. 161]), причем это оценка имеет место даже при составлении и редактировании статей летописи, хронологически предшествующих времени утверждения данной идеи. Например, с точки зрения родового старейшинства выписываются все эпизоды борисоглебской драмы 1015 года, предшествовавшие завещанию 1054 года [7, с. 132–141].

Заключение. Итак, мы определили некоторые ключевые основы подхода, предусматривающего взгляд на летописание Киевской Руси как на отдельное политическое явление, которое в основе своей имело такие же установки, как и политическая деятельность, а потому играло важную роль в политической жизни. Конечно, в любом случае мы имеем дело с отдельными методологическими оговорками, главной среди которых является проблема: как не допустить приписывание историческому произведению политических убеждений, не свойственных автору летописи, как избежать ситуации принуждения летописца «говорить на незнакомом ему языке – не существенно на котором: веберовском, тойнбианском, марксистском или каком-нибудь еще», – как метко выразился по этому поводу И.Н. Данилевский [2, с. 13]. Ведь при достаточной мере научной фантазии даже цитируемую выше констатацию «Ярославъ иде на Литву» можно включить в дискурс каких-то геополитических соображений, в частности вокруг современной Украины. Поэтому мы должны зафиксировать указание на привнесение сюда политической идеи, найти какие-то сигналы, которые бы нам об этом сообщили, и как раз для этого нам может быть полезно использовать арсенал методов политической метафорологии и нарратологии. Но это уже тема другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт, Р. Нулевая степень письма // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Р. Барт; пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 50–96.

³ «учительницу жизни» (*Cicero. De Oratore*, II. 9. 32).

2. Данилевский, И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XI–XII вв.). Курс лекций: учеб. пособие для студ. вузов / И.Н. Данилевский. – М.: Аспект пресс, 1998. – 399 с.
3. Жиленко, І. Церковно-культурне середовище і створення літописів та агіографічної літератури / І. Жиленко // Несторівські студії: матеріали XI та XII міжнар. наук. конф. – К.: Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник, 2014. – С. 80–85.
4. Абрамович, Д.І. Житіє преподобного отца нашего Феодосія игумена Печерського монастиря / Д.І. Абрамович // Києво-Печерський патерик / Д.І. Абрамович. – Репринтне видання. – К.: Час, 1991. – С. 20–78.
5. Илларион. Слово о законе и благодати / Илларион. – М.: «Столица, Скрипторий», 1994. – 146 с.
6. Лихачев, Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д.С. Лихачев. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 499 с.
7. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – 496 с.
8. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 3: Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. – 692 с.
9. Приселков, М.Д. История русского летописания XI–XV вв. / М.Д. Приселков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 325 с.
10. Сухомлинов, М.И. О древней русской летописи как памятнике литературном / М.И. Сухомлинов. – СПб., 1856. – 230 с.
11. Ankersmit, F.R. History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor / F.R. Ankersmit. – Berkeley: University of California Press, 1994. – 244 p.
12. Ankersmit, F.R. Narrative Logic: A Semantic analysis of the Historian's Language / F.R. Ankersmit. – Hague; London: Martinus Nijhoff, 1983. – 265 p.
13. Ankersmit, F.R. Political Representation / F.R. Ankersmit. – Stanford: Stanford University Press, 2002. – 249 p.

Поступила 19.05.2015

KYIVAN RUS CHRONICLES AS POLITICAL PHENOMENON

O. KYRYCHOK

The article is devoted to the historical and philosophical studies of Kyivan Rus chronicles as political phenomenon. According to the author, politics an historical writing (chronicles) had at least three common initial points. Firstly, politics and historical writing addressed their invectives to wide group of people. Secondly, they both used that F. Ankersmit called as “representation” of reality. Thirdly, chronicles and practical politics often expressed some political ideas.